

© Б.О. Майер

УДК 370 + 16

О ПАТТЕРНЕ «DOUBLE BIND» В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ И ОБРАЗОВАНИИ*Б.О. Майер (Новосибирск, Россия)*

Исследовано применение в анализе социальных коммуникативных процессах теории паттерна double bind, первоначально разработанной Г. Бэйтсоном для объяснения многих неясных паттернов межличностной коммуникации, приводящих к ментальным нарушениям. Уточнено определение паттерна double bind: коммуникативный паттерн double bind – это трудная ситуация, в которой имеется, по крайней мере, две возможности выбора, однако каждый из возможных выборов приведет к неприемлемому плохому результату, а выйти из такой ситуации объект коммуникации не может в силу зависимости, подчиненности и т.п.

Проведен онтологический анализ паттерна double bind, который показывает, что его теория может быть распространена из сферы межличностной коммуникации в область социальной коммуникации групп, социальных институтов и т.д. Построена эпистемологическая модель паттерна double bind, позволяющая описывать его единообразным образом формально вне зависимости от области исследования (социальные или межличностные коммуникации).

Показано, что ситуация в сфере реформ отечественного образования за последние 20 лет есть по формальным признакам типичная коммуникативная ситуация паттерна double bind, что приводит к «расщеплению» общественного сознания. В таких условиях для снижения негативных последствий наличия коммуникативной ситуации паттерна double bind требуется рефлексия данной ситуации и перевод коммуникации на более высокий формальный уровень, т.е. на уровень метасообщения, что может быть осуществлено, например, в рамках концепции национальной технологической платформы «Образование».

Ключевые слова: double bind, онтология, эпистемология, коммуникация, образование.

1. Введение

Термин «double bind» был введен в научный оборот в 50-е гг. XX в. Г. Бэйтсоном, британским эпистемологом, работавшим в сфере антропологии, лингвистики, психологии и социологии [1]. Оригинальность работам Г. Бэйтсона придал тот факт, что он одним из первых систематически использовал методологию кибернетической эпистемологии для исследования человеческого мышления и коммуникации, в том числе в паттернах

социального взаимодействия, включая образование – обучение. Благодаря оригинальности его исследований, не потерявших свою актуальность и сегодня, а также «потому, что он думал не о методе, а о предмете; не о форме очков, а о сложности мира, на который через них смотрят» [2 (8)], работы Г. Бэйтсона продолжают активно изучать и в настоящее время (в основном на Западе). Так, например, в 2007 г. в Великобритании был издан специальный

Майер Борис Олегович – доктор философских наук, профессор, профессор Международной кафедры ЮНЕСКО МГИМО(У), проректор по науке, Новосибирский государственный педагогический университет.
E-mail: maierbo@gmail.com

выпуск международного журнала «Kybernetes», посвященный анализу научного наследия Г. Бейтсона, в который вошло около 30 работ авторов практически из всех научно развитых стран, в том числе и из России [3].

Как писал австралийский автор P. Gibney в 2006 г.: «With fifty years having passed since Gregory Bateson and his colleagues published their famous paper, *'Towards a Theory of Schizophrenia'*, it is an opportune time to review the theory and its clinical relevance today. Fifty years on, the double bind hypothesis of Gregory Bateson and his research group still offers ongoing insights, cause for reflection, an area and methodology of research, and proposes interventions that dismantle pathology and offer hope of new, more functional pathways». (50 лет, прошедшие со времени опубликования Г. Бэйтсоном с коллегами знаменитой статьи «К теории шизофрении», позволили по достоинству оценить предложенную теорию и ее клиническое значение. И по прошествии 50 лет гипотеза Г. Бэйтсона о двойной связи является источником новых идей, предоставляет повод для научных размышлений в области методологии и служит средством преодоления ментальных нарушений – *пер. автора*) [4]. Однако отечественным специалистам его наследие малоизвестно, хотя в последнее время на русский язык и были переведены такие его работы, как «Экология разума» – 2000 г. [1], «Разум и природа» – 2007 г. [5], изданные, к сожалению, небольшим тиражом.

Неослабевающий интерес к работам Г. Бэйтсона связан, в том числе, с тем, что область эффективного применения теории коммуникации на основе паттерна «double bind» не ограничивается только узко специализированной сферой клинической психологии, но имеет, как показывает практика, большое эвристическое и

эпистемологическое значение практически во всех сферах социальной коммуникации. Так, например, в недавних работах на основе теории «double bind» – коммуникации в современных США анализируется проблемы расового и экономического неравенства [6], социальные проблемы распространения наркомании и воспроизводства социальной группы «бездомных» [7], гендерные отношения и проблемы социального лидерства [8].

В современной российской научной среде известны исследования на основе теории «double bind» – коммуникации в сфере политологических исследований, PR-технологий, а также в области управления инновационными изменениями. Так в работе С.П. Поцелуева [9] анализируется употребление концепта «double bind» в политическом (политологическом) дискурсе, а также описываются некоторые случаи использования double bind в реальной политике. В статье представлен опыт типологизации политических double binds, а также реакций на них со стороны их жертв, политических акторов. Сам автор работы усматривает общетеоретический смысл в важной методологической роли теории «double bind» – коммуникации для анализа политического взаимодействия в аспекте его противоречивости, абсурдности и парадоксальности.

На Интернет-портале Support приводятся данные, что «среди технологий, используемых в PR, имеются методики принудительного управления сознанием, методики шизоманипулирования. «Мы говорим о таких технологиях, как reframing, confusion (разрыв шаблона), double bind и более серьезных, и большинство людей, подвергающихся действию этих технологий, ничего не знают о

них – в противном случае применение этих методов теряет смысл» [10].

Анализ применения теории «double bind» – коммуникации в сфере инновационного управления представлен в работе Е.Н. Князевой [11], которая пишет: «Внося заметный вклад в разработку своего рода кибернетической психологии, англо-американский психолог Грегори Бейтсон (1904–1980) ввел представление о «двойной связи» (“double bind”– англ.) – нелинейной циклической причинности, неоднозначности и ретроактивности отношения, устанавливающегося между индивидуальным разумом и средой его активности и коммуникации, другими индивидами. В таком случае индивидуальный разум выходит за пределы своей телесной определенности и растворяется в его экологическом окружении, в сетях коллективного разума. “Индивидуальный разум имманентен, но не только телу, а также контурам и сообщениям вне тела. Также есть большой Разум, в котором индивидуальный разум – только подсистема”». И далее: «Мир сложных социальных систем – это океан потенциалов, бурление различных возможностей. Как говорил философ-феноменолог Морис Мерло-Понти, “плоть мира – это кладезь возможностей”. Вектор управляющего воздействия субъекта направлен всякий раз только на что-то из предоставленных миром возможностей, он сугубо избирателен, строится сообразно установкам субъекта и предоставляемым ему здесь и сейчас возможностям. Иными словами, субъект управления и среда, на которую направлено его управляющее воздействие, связаны посредством взаимного и ситуативного предоставления возможностей, которое есть подлинная интерактивность и синергия акта управления».

2. Онтология паттерна «double bind»

Согласно Macmillan dictionary, «double bind» – a difficult situation in which you have two choices, but each one will have a bad result («double bind» – трудная, тяжелая ситуация, в которой вы имеете две возможности выбора, однако каждый из возможных выборов приведет к неприемлемому плохому результату) [12]. Это – скорее метафора, чем исчерпывающая дефиниция, поскольку каждый волен понимать по своему усмотрению такие слова как «трудная», «тяжелая», «неприемлемый», «плохой». В связи с этим рассмотрим онтологию паттерна «double bind» более внимательно.

Согласно Г. Бейтсону, в сложных системах независимо от их природы: биологических, социальных и др. – присутствуют с точки зрения кибернетической эпистемологии обратные связи, обеспечивающие адаптивное «поведение». Данное адаптивное «поведение», как и следует из эпистемологии обратной связи, связано с наличием последовательных приближений к оптимальному режиму функционирования, что достигается последовательным «апробированием» вариантов поведения, оценкой значимости ошибок и их последствий. Кроме того, по мере нарастания сложности систем, например, от биологических к социальным, нарастает «цена ошибки», т.е. возрастает та «плата» (в виде сбоя поведения, угрозы целостности и существованию и др.), которую сложная адаптирующаяся система вынуждена «платить» за неточность адаптивного поведения, за неэффективную «отбраковку» и ранжирование возможных ошибок [1, с. 191].

В такой ситуации известные сложные биологические и социальные системы в процессе эволюции выработали механизм

минимизации «платы» за ошибки адаптации, заключающийся в том, что возможные сценарии адаптивного поведения (изменения) упорядочиваются в иерархию в соответствии с прогнозируемой ценой ошибок и в зависимости от контекста адаптивного поведения. По-видимому, можно сказать и так, что те сложные системы, где адаптивные изменения не были иерархически упорядочены, просто «не выжили» в процессе биологического и социального развития. Здесь можно отметить в качестве примера, что так называемая реформа конца 1980-х – начала 1990-х гг. в России с развиваемой точки зрения есть типичный пример системного нарушения иерархичности изменений в условиях крайней необходимости высоко адаптивного поведения, что и послужило причиной неоправданно высоких затрат человеческих и материальных ресурсов в то время.

Для анализа сложных систем с иерархически упорядоченным адаптивным «поведением» необходимо учитывать методологические требования теории логических типов, которая была первоначально разработана Б. Расселом в области оснований математики [13]. Как показывают современные исследования, для сложных социальных систем с иерархически упорядоченным «поведением» (изменением) теория логических типов выдвигает методологическое требование рефлексии иерархии уровней изменения, а также рефлексии связанных с ней иерархий контекстов и соответствующих уровней коммуникации [14]. В частности: «То воздействие, которое вызывает изменение поведения, есть *знание* или *информация*. Обладание знанием или информацией означает *эффективное* действие в той области, в которой от системы ожидается

отклик... Указанная область, в свою очередь, есть контекст, так что одно и то же поведение может быть эффективным в одном контексте и совершенно неэффективным в другом. Не менее важно и то, что контекст квалифицирует знание или информацию и, тем самым, изменяет их <...>. По Бейтсону, иерархия контекстов сообщений является разрывной. Контекст способен говорить получателю сообщения все что угодно относительно этого сообщения, но он не в состоянии разрушить или вступить с ним в прямое противоречие. Иначе говоря, сообщение и контекст находятся на разных уровнях и никогда не соприкасаются: между ними пропасть (разрыв). То же справедливо и по отношению к иерархии контекстов: сообщение, метасообщение, метаметасообщение и т.д.» [14, с.152]. Если же смешивать сообщение и контекст, в котором оно производится, то практически невозможно избежать парадоксов по типу: «Приказываю тебе не выполнять моих приказов». Или в нашей недавней истории: «Берите суверенитета, сколько сможете, но подчиняйтесь центральной власти».

Подход теории «double bind» – коммуникации позволяет выявить в явном виде и формально проанализировать подобные ситуации смешения уровней коммуникации, а также выработать прямые рекомендации по преодолению данных патологических нарушений социальной коммуникации. Как пишет Г. Бейтсон: «Мы предполагаем, что, попадая в ДВ-ситуацию, индивид полностью теряет способность к различению логических типов. Определим основные характеристики этой ситуации.

(1) Индивид включен в очень тесные отношения с другим человеком, поэтому он чувствует, что для него жизненно важно точно

определять, какого рода сообщения ему передаются, чтобы реагировать правильно.

(2) При этом индивид попадает в ситуацию, когда этот значимый для него другой человек передает ему одновременно два разноуровневых сообщения, одно из которых отрицает другое.

(3) И, в то же самое время, индивид не имеет возможности высказываться по поводу получаемых им сообщений, чтобы уточнить, на какое из них реагировать, т.е. он не может делать метакоммуникативные утверждения» [1, с. 152].

Если описать DB – ситуацию более подробно, то формально необходимы следующие составляющие:

«1. Двое или более участников. Одного из них мы для удобства определения называем "жертвой" <...>.

2. Повторяющийся опыт. Мы предполагаем, что double bind ("двойное послание") – повторяющийся "сюжет" в жизненном опыте "жертвы" <...>.

3. Первичное негативное предписание. Оно может принимать одну из двух форм:

- (а) "Не делай того-то и того-то, иначе я накажу тебя" или
- (б) "Если ты не сделаешь того-то и того-то, я накажу тебя".

Мы выбираем здесь контекст обучения, основанного на избегании наказания, а не на стремлении к награде, хотя для этого, может быть, нет формальных оснований.

<...>.

3. Вторичное предписание, которое вступает в конфликт с первым на более абстрактном уровне и так же, как и первое, подкрепляется наказаниями или сигналами, угрожающими самому существованию. Вторичное предписание описать труднее, нежели первичное, по двум причинам. Во-первых, вторичное предписание относится к

более абстрактному уровню и обычно передается <...> невербальными средствами. Это могут быть поза, жест, тон голоса, значимое действие, нечто подразумеваемое в словесном комментарии. Во-вторых, оно может противоречить любому элементу первичного запрещения. Вербальные формулировки вторичного предписания, следовательно, могут быть чрезвычайно разнообразными. Например: "Не считай это наказанием", "Не считай, что это я тебя наказываю", "Не подчиняйся моим запретам", "Не думай о том, чего ты не должен делать", "Не сомневайся в моей любви. Мой запрет является (или не является) ее выражением" и т.д. Возможны также случаи, когда "двойное послание" создается не одним индивидом <...>.

5. Третичное негативное предписание, лишшающее "жертву" возможности покинуть поле. Формально, наверное, нет необходимости выделять это предписание в особый пункт, поскольку подкрепление на двух других уровнях уже включает угрозу существованию <...>. Однако в некоторых случаях, по-видимому, невозможность для "жертвы" бегства из ситуации обеспечивается с помощью специальных средств, которые не являются чисто негативными, например, с помощью внезапных обещаний любви и т.п.

6. Наконец, полный набор составляющих перестает быть необходимым, когда "жертва" приучается воспринимать мир в стереотипах <...> "двойного послания". Почти любой фрагмент DB – паттерна может теперь быть достаточным для того, чтобы вызвать панику или ярость <...>» [1, с. 151].

Суммируя определения double bind, можно дать такую дифиницию: «double bind – это недобросовестно (а возможно, и злонамеренно) вмененная двойного рода обязанность, которая содержит внутреннее

противоречие и никоим образом не может быть исполнена в принципе, что совершенно не освобождает жертву этого вменения от наказания за его "неисполнение". Классический пример – знаменитое требование: "Приказываю тебе не исполнять моих приказов"» [15].

Таким образом, ДВ–ситуация, в которой проявляется ДВ–паттерн, заключается в наличии коммуникации на нескольких логических уровнях (вербальном и невербальном, буквальном и метафоричном, различных уровнях властной иерархии и др.), когда один из партнеров посылает другому (жертве) противоположные сигналы разного логического типа. При этом избежать их «обработки» или «исполнения» второй не имеет возможности в силу, например, подчиненности первому или его властной значимости, «авторитетности» и др.

В качестве примера такой ситуации можно привести «работу» «некоторых» учителей в школе, когда:

- ребенок от него зависим и не может избежать коммуникации с учителем в силу подчиненности;
- учитель на вербальном уровне рассказывает и убеждает в пользе учебы, как это важно в жизни, убеждает в собственной любви к детям, сидящим в классе, и др. Тем самым, решая свои служебные задачи;
- на невербальном уровне идут совершенно противоположные коммуникативные сигналы: «учитесь – не учитесь, “олигархами” вам все равно не стать, посмотрите на меня, как я живу. Как мне надоела эта непомерная “часовая” нагрузка, поменьше бы вас всех видеть, у меня своих дел полно» и т.д.
- такая ситуация противоположных коммуникативных сигналов повторяется

изо дня в день, из года в год. В результате у детей складывается ДВ–паттерн нарушенной целостности мышления, который практически невозможно преодолеть только лишь «реформой» образовательных программ, и который затем воспроизводится автоматически во «взрослой» жизни нового поколения.

3. Эпистемологическая модель паттерна «double bind»

Рассмотрим этимологию термина double bind, часто переводимого как «двойное послание». Как пишут переводчики работ Г. Бейтсона: «В отечественной литературе сложилась некоторая традиция перевода этого термина (double bind – *прим. автора*) как "двойная связь". Однако существуют и такие варианты, как "двойной сигнал", "двойная команда", "двойной приказ", "двойной узел", "двойной зажим", "двойной капкан" и т.д.» [16]. Однако, по нашему мнению, весь этот спектр переводов не передает основного семантического смысла термина double bind.

Действительно, как указывают переводчики, ссылаясь на словарь COLLINS, «прилагательное "double" кроме ряда значений, связанных с удвоением в смысле физического удваивания, сдваивания и арифметического умножения на два, имеет активную смысловую ветвь, связанную с обманом и нечестностью» [16]. Данное прилагательное имеет следующие синонимы: deceitful – лживый; dishonest – нечестный, недобросовестный» и др. Кроме того, в английском языке существуют следующие выражения и обороты: doubling – уловка, увертка, уклончивость; double-dealer – двурушник, обманщик; double-faced – двуличный» и др. Таким образом, прилагательное double в английском языке имеет ярко выраженную этически

отрицательную смысловую нагрузку, по нашему мнению, точнее всего передаваемую в социальном контексте словом «двуличный».

Аналогичная ситуация и с глаголом "to bind". Его синонимы: compel – принуждать, подчинять; confine – ограничивать, держать в пределах; engage – обязывать, связывать; fasten – прикреплять, привязывать; . restrict – ограничивать и др. Кроме того, «в английском языке есть идиоматические выражения "to get into a bind" или "to be in a bind", что означает "попасть в безвыходную ситуацию, попасть в переplet". Из ходового английского юридического оборота "the agreement is binding upon both parties" ("соглашение обязательно к исполнению обеими сторонами") ясно видны такие свойства "bind", как императивность и вменение. Также отчетливо видна имплицированная возможность применения санкций в случае неисполнения данного вменения» [16]. Таким образом, если говорить буквально, то возможен и такой вариант перевода термина double bind как: «лживое ограничение», «нечестная привязка», «двуличное ограничение» и др.

Для более формальной репрезентации DB – ситуации удобно ввести следующие обозначения [17]. Пусть $C_k \{v, n\}$ – есть единичный коммуникативный сигнал в последовательности сигналов $k = 1, 2, 3, \dots$; который имеет две составляющих: вербальную (v) и невербальную (n). Тогда формально последовательность коммуникативных сигналов в DB – ситуации выглядит следующим образом:

$$C_1 \{+v, -n\} + C_2 \{-v, +n\} \Rightarrow \text{DB-ситуация}$$

или $C_1 \{-v, +n\} + C_2 \{+v, -n\} \Rightarrow \text{DB-ситуация,}$ (1)

где знаки «-» или «+» обозначают соответственно «негативную» или «позитивную» направленность коммуникации.

Таким образом, в DB–ситуации, формирующей DB–паттерн, имеется два коммуникативных сигнала, каждый из которых имеет вербальную и невербальную составляющие и, при этом, в последовательности сигналов имеет место инверсия «позитивной/негативной» направленности коммуникации на каждом уровне [17]. Кроме того, имеется третий коммуникативный сигнал, формирующий контекст коммуникации, в силу которого индивид не имеет возможности прервать текущую ситуацию коммуникации.

Формула (1) была построена в работе [17] применительно к коммуникативной ситуации между двумя индивидами. Обобщим ее здесь на случай коммуникации, не сводящийся к наличию двух «индивидов», коммуницирующих только на вербальном и невербальном уровнях. Для этого обозначим n -й логический уровень в иерархии уровней социальной коммуникации как L_n . Тогда коммуникативная DB–ситуация может быть записана формально как:

$$C_1 \{+L_n, -L_q\} + C_2 \{-L_n, +L_q\} \Rightarrow$$

социальная DB–ситуация

или $C_1 \{-L_n, +L_q\} + C_2 \{+L_n, -L_q\} \Rightarrow$

социальная DB–ситуация (2)

В обобщенном описании коммуникативной DB – ситуации присутствуют два логически различных уровня коммуникации L_n и L_q (не обязательно вербальный/невербальный), например, официально законодательный и «местный» подзаконно административный, или политический и экономический и т.п. При этом в последовательности сигналов происходит инверсия «позитивности» на «негативность» или наоборот: $+L_n$ первого сигнала в $-L_n$ второго сигнала и т.д. Вообще говоря, из комбинаторики легко получить, что

может быть, по крайней мере, четыре вида типичных коммуникативных ДВ–ситуаций.

Таким образом, в формальном изложении (2) ДВ–ситуацию становится возможным анализировать не только в коммуникации между двумя индивидами, но и между социальными группами и социальными институтами, например, между различными уровнями властной иерархии, между сферой образования и управленческими структурами, между членами системы образования и окружающим обществом и др. При этом подход, связанный с анализом ДВ–ситуации и выделением ДВ–паттерна, становится мощным средством анализа адаптивной направленности коммуникативных процессов в обществе.

4. О паттерне «double bind» в сфере образования

Особое значение теории «double bind» – коммуникации имеет в сфере образования. Действительно, сфера образования как базовый институт воспроизводства основ существования и организации общества от поколения к поколению, социализации и воспитания каждого нового поколения на опыте онтологии, эпистемологии и аксиологии предыдущих поколений, базируется, в первую очередь, на равноуровневой коммуникации. Коммуникации между учителем и учениками, учителем и родителями, учителем и директором школы, чиновниками и работниками, государственными органами и участниками сферы образования и т.д. Таким образом, в сфере образования присутствует множество коммуникативных уровней и иерархий взаимодействия, организованных в сложнейшую систему с множеством уровней обратных связей.

Как пишут специалисты из университета Иллинойса (США) в статье с многозначительным названием «Double-bound Прометей»: «An educational situation is irrevocably communicative, or in Deweyan terms: all learning is interacting. In the presence of a crisis of education, therefore, we simultaneously and correlatively confront a crisis of communication. Dewey writes, “[n]ot only is social life identical with communication, but all communication (and hence all genuine social life) is educative. This essential element of social life (and therefore of all human life) is for Dewey *given* in point of bare factuality, but the *quality* of communication is seen to vary remarkably in practice. It is the *quality* of communicating which must be subjected to a thoroughgoing critique if we are to ameliorate our pedagogical practices and institutions. Any critique of the system of education must therefore be a critique of communicative styles» (Любая образовательная ситуация с неизбежностью связана с коммуникацией. Следовательно, кризис образования во многом связан с кризисом коммуникации. Дж. Дьюи пишет, что не только социальная жизнь связана с коммуникацией, но и всякая коммуникация обладает образовательной функцией. Этот важнейший момент социальной жизни (и, следовательно, всей человеческой жизни) для Дьюи является не только непреложным фактом, но и показывает, что *качество* коммуникации играет важнейшую роль на практике – *пер. автора*) [18]. (Следовательно, любая критика системы образования должна быть критикой коммуникативных стилей – *прим. автора*). Авторы данной работы показывают, что вся современная педагогика воспроизводит ДВ–ситуацию между учителем и учеником вследствие базовых основ организации образовательного процесса в школе: «The double bind theory of Bateson *et. al.*

has been used to demonstrate the anti-democratic quality of much of contemporary pedagogy. The incommunicable, inexpressible situation described by the theory has at least a seeming parallel in an educational system which forces information upon its students without allowing for their personal 'takes' to inform the choice of material or the style in which it is delivered. In this way, the student is alienated from her own process of learning and becomes much like the 'victim' of the double bind. It is no wonder then that today's schools produce a large number of ill-informed, culturally disenfranchised, and apathetic graduates. (If, that is, they do indeed graduate) We hardly need ask *whether* our schools are institutions of alienation and oppression» [18]. (Теория Г. Бэйтсона о двойной связи позволяет сделать вывод об антидемократичности большей части современной педагогики. Тяжелая неразрешимая ситуация, описываемая в теории двойной связи, имеет очевидные параллели в образовательной системе, где студенты «принудительно» информируются без возможности альтернативных выборов. Таким образом, студент отчуждается от своего собственного процесса обучения и становится "жертвой" двойной связи (привязки). Неудивительно, что школы производят большое количество плохо информированных, мало культурно и апатичных выпускников. Мы должны задать себе вопрос, не являются ли наши школы учреждениями отчуждения и угнетения – *пер. автора*)

Современная сфера высшего профессионального образования также не избежала наличия ДВ-ситуации, которая проявляется уже не только на уровне межличностной коммуникации (учитель – ученик), но и на уровне властно-политических структур и коммуникации социальных групп. Действительно, как показано в работе декана

философского факультета МГУ М.М. Миронова [19], противоречивость, непоследовательность и неэффективность реформ образования за последние 20 лет связана во многом с ее теоретической непроработанностью, с тем, что стратегия изменений навязывалась «сверху» без проработки в среде профессиональных работников сферы образования, в связи с чем в процессе реформ чередовались волны реформ и контрреформ, либеральная и традиционная направленность и т.д.

Другими словами, работа [19] фактически есть база данных по реформам образования, на основе которой вырисовывается наличие типичной ДВ-ситуации в 20-летней реформе российского образования. А именно:

- наличие, по крайней мере, двух уровней социальной коммуникации – властно-политического в виде законов, постановлений правительства и т.д., а с другой стороны – практической «коммуникации» в виде реальных экономических условий;
- сигналы на этих уровнях коммуникации чаще всего имеют разную направленность: на властном уровне декларирование ценности отечественного образования и научно-педагогических школ, а на практическом уровне экономики «сбрасывание» бремени затрат на образование (школьное и среднепрофессиональное) на бюджеты субъектов и местные бюджеты;
- наличие социального субъекта, на которого направлена ДВ-ситуация – работников сферы образования, учащихся и их родителей, а это значительная часть населения страны;
- невозможность работников сферы образования, учащихся и родителей выйти

из ситуации ДВ-ситуации, поскольку учить и учиться необходимо без возможности выбора в тех условиях, контекст которых задает государство на данный момент.

Таким образом, оказывается, что на всех уровнях образования присутствует ДВ-ситуация, которая оказывает существенное воздействие на современное общественное сознание, через сознание всех участников сферы образования. Выйти из этой ситуации практически невозможно, т.к. она воспроизводится непрерывно и каждодневно, хотя бы вследствие самих основ организации образовательного процесса. Однако возможно сгладить ее негативные последствия посредством перехода на более абстрактный уровень коммуникации (метасообщение – по Г. Бэйтсону), т.е. понимание наличия ДВ-ситуации уже служит мощным фактором снижения ее негативных последствий.

5. Заключение

Г. Бэйтсоном была разработана теория паттерна double bind, позволившая прояснить многие неясные вопросы межличностной коммуникации, приводящие к ментальным нарушениям. Коммуникативный паттерн double bind – это трудная ситуация, в которой имеется, по крайней мере, две возможности выбора, однако каждый из возможных

выборов приведет к неприемлемому плохому результату, а выйти из такой ситуации объект коммуникации не может в силу зависимости, подчиненности и т.п.

Проведенный онтологический анализ паттерна double bind показывает, что его теория может быть распространена из сферы межличностной коммуникации в область социальной коммуникации групп, социальных институтов и т.д. Построена эпистемологическая модель паттерна double bind, позволяющая описывать его единообразным образом формально вне зависимости от области исследования (социальные или межличностные коммуникации).

Показано, что ситуация в сфере реформ отечественного образования за последние 20 лет есть по формальным признакам типичная коммуникативная ситуация паттерна double bind, что приводит к «расщеплению» общественного сознания. В таких условиях для снижения негативных последствий наличия коммуникативной ситуации паттерна double bind требуется рефлексия данной ситуации и перевод коммуникации на более высокий формальный уровень, т.е. на уровень метасообщения, что может быть осуществлено, например, в рамках концепции национальной технологической платформы «Образование» [20].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бейтсон Г.** Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. – М. : Смысл, 2000. – 476 с.
2. **Эткинд А.М.** На пути к экологии разума // Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. – М. : Смысл, 2000. – 476 с.
3. **Kybernetes.** – Bingley, UK: Emerald Group Publishing Limited, 2007. – V. 36. – № 7/8. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.emeraldinsight.com> [Дата обращения 23 марта 2012].
4. **Gibney P.** The Double Bind Theory: Still Crazy-Making after All These Years // Psychotherapy in Australia, 2006. – V. 13. – № 3. – P. 48–55 – [Электронный ресурс]. – URL: <http://psychotherapy.com.au/TheDoubleBindTheory.pdf> [Дата обращения 2 апреля 2012].

5. **Бейтсон Г.** Разум и природа. Неизбежное единство. – М. : КомКнига, 2007. – 248 с.
6. **Carter P.** The double binds of economic and racial inequality // Stanford Center for Opportunity and Policy in Education, December, 2011. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://edpolicy.stanford.edu/blog/entry/505> [Дата обращения 3 апреля 2012].
7. **Inman K. and Benjamin A.** Double bind // The Guardian, Wednesday 15 October 2003. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.guardian.co.uk/society/2003/oct/15/homelessness.guardiansocietysupplement> [Дата обращения 3 апреля 2012].
8. **Jamieson K.H.** Beyond the double bind women and leadership. New York: Oxford University Press, 1995. – 283 pp.
9. **Поцелуев С.П.** Double binds, или двойные ловушки политической коммуникации // Полис – Политические исследования. – 2008. – № 1. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.politstudies.ru/arch/2008/1/2.htm> [Дата обращения 20 апреля 2012].
10. **Общественно сознание** // Интернет-портале Support – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.support17.com/component/content/515.html?task=view> [Дата обращения 20 апреля 2012].
11. **Князева Е.Н.** Взрачивать социальные инновации – значит управлять креативно // Синергетика и научный прогноз. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/Knyazeva36.htm> [Дата обращения 3 апреля 2012].
12. **Double bind** // Macmillan dictionary. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.macmillandictionary.com/dictionary/american/double-bind>. [Дата обращения 2 мая 2012].
13. **Russell B.** Mathematical Logic as based on the Theory of Types // American Journal of Mathematics, 1908. – V. 30. – pp. 222–262. [Электронный ресурс]. – URL: <http://bbi-math.narod.ru/> [Дата обращения 10 мая 2012].
14. **Пигалев А.И.** Бог и обратная связь в сетевой парадигме Грегори Бейтсона // Вопросы философии. – 2004. – № 6. –с. 148–159.
15. **Федотов Д.Я., Папуш М.П.** Переводя Бейтсона // Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. – М.: Смысл. 2000. – 476 с .
16. **Федотов Д.Я., Папуш М.П.** Переводя Бейтсона. [Электронный ресурс]. – URL: <http://lib.rus.ec/b/367279/read#t2> [Дата обращения 20 апреля 2012].
17. **Ткачев А.В.** Double bind. [Электронный ресурс]. – URL: <http://metonymous.livejournal.com/46700.html> [Дата обращения 20 апреля 2012].
18. **Mustain M.R.** Prometheus double-bound: educating the social individual // Department of Philosophy Southern Illinois University. Carbondale, Illinois // Philosophical studies in education – 2002, V.33. – P. 105–114. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ovpes.org/2002/Must.pdf> [Дата обращения 2 мая 2012].
19. **Миронов В.В.** Размышления о реформе российского образования. Доклад на международной научной конференции «Философия и образование в процессе трансформации культуры», посвященной 70-летию воссоздания философского факультета в структуре МГУ им. М.В. Ломоносова. – М.: Изд-ль Воробьев А.В., 2011. – 64 с.
20. **Майер Б.О.** Технологическая платформа «образование»: онтологический анализ // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2012. – № 2. – с. 36–47.

UDC 370 + 16

ABOUT THE PATTERN «DOUBLE BIND» IN MODERN SOCIETY AND EDUCATION*B.O. Mayer (Novosibirsk, Russia)*

Application in the analysis of social communicative processes of the theory of a pattern of double bind, originally developed by G. Bateson for an explanation of many not clear patterns of the interpersonal communication leading to mental violations is considered. Definition of a pattern of double bind is specified: the communicative pattern of double bind is a difficult situation in which there are, at least, two possibilities of the choice, however each of possible choice will lead to unacceptable bad result, and the object of communication can't leave such situation owing to dependence, subordination, etc.

An ontological analysis of the pattern of double bind shows that this theory can be extended from the sphere of interpersonal communication in the area of social communication of groups, social institutions, etc. The author constructs an epistemological model of the of double bind pattern which allows a consistent way to describe it formally, regardless of field of study (social or interpersonal communication).

It is shown that the situation in the field of education reform for the last 20 years has the formal features of a typical communicative situation of the double bind pattern, that leads to "splitting" of public consciousness. In such circumstances to reduce the negative effects of the presence of a communicative situation, the double bind pattern requires reflection of the situation and the transfer of communication to a higher formal level, i.e. meta message level that can be carried out, for example, within the concept of the national technological Education platform.

Keywords: *double bind, ontology, epistemology, communication, education.*

Mayer Boris Olegovich – doctor of philosophy sciences, the professor, the professor of the International faculty of UNESCO MGIMO, the pro-rector on science, Novosibirsk State Pedagogical University.
E-mail: maierbo@gmail.com